

Сардарова Мария Анатольевна,

старший преподаватель, соискатель,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: msardarova@yandex.ru

Maria A. Sardarova,

senior lecturer, PhD student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: msardarova@yandex.ru

**ИСТОЧНИКИ ЛЕГИТИМНОСТИ
АРАБСКИХ МОНАРХИЙ****SOURCES OF LEGITIMACY OF ARAB MONARCHIES**

Аннотация: события «Арабской весны» положили начало новому витку дискуссий об условиях, обеспечивающих стабильность арабских монархий, а также об источниках их легитимности. Эти монархии, которые десятилетиями рассматривались в качестве анахронизма, пережили «Арабскую весну» легче своих республиканских соседей. При объяснении их устойчивости чаще всего приводится аргумент, опирающийся на региональную исключительность и культурный детерминизм: монархия является традиционной, а потому подходящей исламскому миру формой правления. Формула легитимности, которую воплощают арабские монархии, соответствует социокультурным ценностям арабов. Однако подобные аргументы недостаточны, так как в таком случае трудно объяснить очевидную способность ближневосточных монархов адаптироваться и даже способствовать современным социально-политическим изменениям. Реальная причина устойчивости арабских монархий – совокупность разных факторов, включающих в себя и традиционную легитимность, и наличие природных ресурсов, и стратегии, избранные их правителями для того, чтобы сохранить власть. Кроме того, все арабские монархии заручились мощной поддержкой коалиций влиятельных групп внутри страны, региональных союзников и иностранных (преимущественно западных) покровителей, чтобы поддержать стабильность своих режимов.

Ключевые слова: арабские монархии, источники легитимности, тип режима, природные ресурсы, религиозная легитимность, традиции, общественное устройство.

Abstract: the events of the Arab spring marked the beginning of a new round of discussion on the conditions necessary for the survival of the Arab monarchies, as well as on the sources of their legitimacy. These monarchies that for decades were considered anachronisms survived the Arab spring easier than their republican neighbors. While explaining their sustainability, attention is usually paid to their regional uniqueness and cultural determinism: monarchy is a traditional regime type, and therefore it is suitable to the Islamic world. Legitimacy formula, embodied by the Arab monarchs, corresponds to the socio-cultural values of the Arabs. Such arguments are understandable, but insufficient, as in this case it is difficult to explain obvious ability of the Middle Eastern monarchs to adapt and even contribute to modern socio-political change. The real reason for the stability of Arab monarchies – a set of various factors, including cultural legitimacy, natural resources, and the strategies chosen by their rulers to preserve power, which

vary from country to country. In addition, all Arab monarchs have enlisted the strong support within their countries, regional allies and foreign (predominantly Western) patrons to maintain the stability of their regimes.

Key words: Arab monarchies, sources of legitimacy, regime type, natural resources, religious legitimacy, traditions, social order.

Монархии составляют более 1/3 государств, входящих в Лигу арабских государств (ЛАГ). В общей сложности число подданных королей Саудовской Аравии, Иордании, Марокко, султана Омана, эмиров Кувейта, Катара, ОАЭ и Бахрейна превосходит 40 млн человек. Арабские монархии имеют доступ к важным стратегическим водным путям – Гибралтарскому проливу, Персидскому заливу и Красному морю. Некоторые из них являются основными мировыми экспортерами нефти и обладают огромными финансовыми ресурсами.

До недавнего времени, несмотря на значительное присутствие монархической формы правления на Ближнем Востоке и в Северной Африке, арабские монархии не находились в центре внимания политологов. Основной интерес был направлен преимущественно на военные и однопартийные режимы региона, и только «Арабское пробуждение» заставило задуматься о причинах их устойчивости и источниках легитимности. Российские и западные аналитики большое внимание стали уделять сравнению монархий и республик. В то время как главы авторитарных республик Туниса, Египта, Йемена и Ливии были свергнуты, восемь авторитарных монархий уцелели, несмотря на волнения. Свержение президентов и сохранение монархий заставляет задуматься о факторах их относительной устойчивости, которая может быть объяснена не столько финансово-экономическими их ресурсами, сколько фактором легитимности.

Единого, универсального определения легитимности не существует. Она включает в себя несколько связанных между собой составляющих. Во-первых, легитимность связана с политическими нормами и ценностями. Во-вторых, легитимность предполагает, что значительная часть населения государства считает поступки правителя соответствующими этим нормам и ценностям. Другими словами, легитимность во многом зависит от позитивного или негативного восприятия населением поступков правителя или режима в целом.

Требования власти могут считаться правомерными, только если правители проявляют уважение к ценностям и традициям большей части общества. Поэтому даже авторитарные правители, для того чтобы заручиться поддержкой населения и повысить уровень легитимности своей власти, обращаются к использованию технологий легитимации через такие институты, как выборы, народное правительство, участие политических партий в общественной жизни [5, с. 82].

Макс Вебер выделял три типа легитимности власти: рациональную, традиционную и харизматическую. В первом случае люди подчиняются законно установленному порядку. Традиционная легитимность характерна в большей степени для монархий, поскольку она обретается благодаря обычаям, «вере в святость традиций и вере в легитимность авторитета, основанного на этих традициях. В случае харизматического господства подчиняются харизматическому вождю как таковому в силу личной веры в его откровение, доблесть или образцовость» [2, с. 35]. Следует отметить, что данные типы не противопоставляются, а, напротив, дополняют друг друга.

О легитимности того или иного правителя или режима могут свидетельствовать не только устойчивость государственного строя, стабильность политического режима, но и успех социально-экономического развития, курса внешней политики: насколько эффективно соблюдаются законы или как часто власть прибегает к силе для утверждения своих позиций [6, с. 87].

Что касается арабских монархов, то им в большей мере была свойственна традиционная легитимность, которая обретается благодаря религии, традициям и обычаям. Видный российский исследователь Е.С. Мелкумян пишет: «Легитимность правящих режимов опирается на историческую традицию и закреплена конституционно» [11, с. 257]. Здесь необходимо отметить также религиозную составляющую, которая важна для Марокко, Иордании и Саудовской Аравии. Королями Иордании и Марокко стали шерифы, прямые потомки пророка Мухаммеда. Так, король Марокко носит религиозный титул Повелителя правоверных, закреплённый за монархом в первой Конституции 1962 года [12, с. 376]. В Саудовской Аравии правящая семья с XVIII века ассоциируется со строгой ваххабитской интерпретацией ханбалитского

ислама¹. В качестве Служителя Двух Святынь саудовская королевская семья также приобретает религиозную легитимность как организатор ежегодного паломничества в Мекку и Медину. Кроме того, ислам и основанные на нем государственно-правовые и общественно-политические отношения являются ключевым фактором, который определяет внутривнутриполитическое развитие арабских монархий. Так, Королевство Саудовская Аравия (КСА) представляет собой идеальный пример государства, в котором ислам – это не просто государственная религия: Коран и законы шариата определяют правовые нормы, которые учитываются светским законодательством [3, с. 167]. В статье 7 «Основного закона правления», который является вторым после Корана и Сунны по юридической силе основным законом КСА, говорится, что власть в Королевстве зиждется на Коране и Сунне, которые являются основой данного положения и других государственных актов [13]. Кроме того, в этом документе установлено также, что «государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама» [13].

Несмотря на безусловную важность религиозной составляющей, очевидно, что ни один режим не смог бы долго продержаться, опираясь только на нее.

В научной литературе предлагается подход, который фокусируется на общественном устройстве, неформальных контактах между правителями и подданными. Данная концепция основана на нескольких предпосылках. В частности, утверждается, что общественное устройство существует всегда относительно независимо от государства. Тип режима может меняться, но структура общественного устройства остается неизменной [15, с. 103–104]. Данное утверждение актуально для анализа молодых государств. Монархии Персидского залива, в которых нормы и ценности социального порядка старше процессов государственного строительства, прошли путь становления от племенного общества до современного государства всего за несколько десятилетий.

Государственность монархий Персидского залива имеет племенную основу. Монархии появились из слабых протогосудар-

¹ Ханбалитский мазхаб (направление, школа) – одна из четырех догматическо-правовых школ суннитского ислама.

ственных структур. Они были созданы вокруг правящих семей, взаимодействующих с союзными кланами, семьями и социальными группами. В этих племенных структурах задолго до появления современных государств правящая семья постепенно завоевывала себе роль политического гегемона. Е.С. Мелкумян отмечает: «Создание государственности было непосредственным образом связано с приходом к власти правящих семей, которые брали на себя ответственность за экономическое благополучие и безопасность народа, проживающего на территории, которую они контролировали» [11, с. 257]. Арабские монархии отличаются от европейских тем, что имеют форму племенного института. Выдающийся российский арабист Г.Г. Косач пишет: «Аравийские монархии возникали на основе клятвы верности, оформлявшейся как соглашение – аль-бейъа (принцип, который и сегодня лежит в основе местных политических систем) между вооруженными группами арабских (в значении бедуинских) кочевников и оседлыми жителями оазисов. Признавая власть этих групп (сегодня – правящих династий местных государств) и сохраняя свои традиционные занятия, эти жители, обычно принадлежавшие к менее “знатным” племенным сообществам, передавали покровителям функцию защиты своего физического существования и деятельности» [9, с. 359]. Так, например, в Саудовской Аравии и по сей день главы племен, представители ведущих семей, шейхи ислама и вообще все граждане приносят присягу Служителю Двух Благородных Святынь [9, с. 360]. Статья 6 «Основного закона правления» гласит: «Подданные короля приносят присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка в повиновении и верности ему в горе и в радости, в удаче и в бедствиях» [13]. Клятва верности королю является подтверждением прочной связи, существующей между государством и его правителями.

В случае Саудовской Аравии создание государства неотделимо от личности короля-основателя Ибн Сауда и его сыновей, сменивших на троне отца. В статье «Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации» Г.Г. Косач пишет: «Разрыв связи между династией и политическим образованием привел бы к потере им легитимности и в итоге – к крушению» [8, с. 6]. Народ Королевства связан прежде всего с правящей семьей, а

не с территорией. Эта прочная связь между династией и политическим образованием закреплена в статье 5 «Основного закона правления» [13].

Таким образом, догосударственные общества – общества подданных, включающие новые формы взаимодействия между ними и правителем. Путь от племенного к современному обществу XXI века под руководством монарха, а также генезис национальной идентичности – факторы, представляющие огромное значение для монархий Персидского залива.

В этих монархиях правители прилагали значительные усилия для того, чтобы преобразовать общества, которые ранее были организованы по племенному признаку и демонстрировали догосударственную лояльность, в социум, основанный на политической лояльности современного национального государства. В этом отношении наполнение традиций новым содержанием становится основным средством, обеспечивающим непрерывность во времена серьезных социальных изменений. Традиционные, догосударственные способы взаимодействия (маджлис) и совещания (шура), берущие начало в трайбализме¹, сохранились. С созданием государств они стали служить задачам нового национального государства и остались нормативной основой в этом новом современном контексте. В большинстве арабских монархий подобные парламенту собрания названы Маджлисом аш-Шура. Таким образом, эмир, султан или король являются и «руководителями модернизации», и традиционными правителями и, соответственно, могут заручиться легитимностью, если граждане считают, что они поступают в соответствии с общепринятыми нормами и ценностями, существовавшими еще в догосударственный период.

В. Меналдо утверждает, что монархическая форма правления эффективна для поддержания культурных норм через традиции и ритуалы, которые способствуют развитию исторической памяти. Действия короля ожидаемы и предсказуемы, так как они являются частью установленного порядка [21, с. 14–15]. Правители арабских монархий тратят время и ресурсы, чтобы репрезентовать себя в качестве подлинных представителей своей культуры. Они подчеркивают совместимость своих режимов с историей их

¹ Трайбализм – приверженность к культурно-бытовой и общественно-политической племенной обособленности.

стран, религией и племенными традициями. Это делается для того, чтобы убедить своих подданных и сторонних наблюдателей, что их правление является естественным результатом истории и культуры.

С одной стороны, использование исторически сложившихся форм взаимодействия и управления обеспечивает маневренность, позволяющую правящей семье сохранять свою власть. С другой стороны, это поддерживает преемственность и постоянство в период быстрых социальных изменений, создает связь между прошлым общества и его будущим. Таким образом, догосударственному общественному устройству придается официальный статус в современном государстве, и это устройство является важным источником легитимности для монарха.

Еще в 1970-х годах Майкл Хадсон писал, что правящие монархии практически исчезли за пределами арабского мира, но в этом регионе их удивительная стойкость позволяет предположить, что формула легитимности, которую они воплощают, более соответствует социально-культурным ценностям региона [19, с. 166].

Возвращаясь к теме устойчивости арабских монархий на фоне революционных событий, происходивших на Ближнем Востоке в период «Арабской весны», нельзя не отметить, что в научной литературе предлагается много объяснений такой устойчивости. Так, в своей статье Ш. Йом и Г. Гауз [23, с. 74–88] отказываются от культурологического подхода, который делает акцент на традиционной религиозной и племенной легитимности арабских монархов, а также от институционального подхода, который акцентирует внимание на особом характере монархического правления, позволяющем правителю стоять над повседневной политикой, и приходят к выводу, что эта монархическая исключительность может быть объяснена сочетанием трех факторов: широкими коалициями, запасами углеводородов, а также иностранным дипломатическим, экономическим и военным покровительством. Они полагают, что доводы, превозносящие культурные факторы, убедительны только в историческом контексте. В настоящее же время внешние факторы, такие как геополитическая поддержка или нефтяные богатства, играют особенно важную роль в том, чтобы оградить монархов от внутреннего давления. Однако все

эти факторы в той или иной степени присутствовали в Египте при Х. Мубараке: и опора на Западный мир, в особенности на США, и многовекторная экономика, основанная в том числе на экспорте углеводородов, денежных переводах от египтян, работающих в странах Персидского залива, и доходах от Суэцкого канала. Несмотря на все эти факторы, Х. Мубарак в ходе событий «Арабской весны» быстро лишился власти. Вместе с тем монархи с гораздо меньшими доходами, например в Марокко и Иордании, смогли справиться с волнениями того периода. Подобное положение дел заставляет обратиться к институциональному фактору, который помогает объяснить, почему монархии, особенно те, которые лишены больших доходов, смогли устоять, несмотря на серьезные трудности.

Монархия – одна из старейших форм правления, которая доказала, что может выжить, несмотря на тенденции демократизации, выступающей против сосредоточения власти в руках одного человека. Монархия основывается на двух основных принципах. Во-первых, власть в ней наследуется: она передается от одного короля другому, так как они связаны кровными узами. Наследование может быть основано на различных правилах. В арабском мире наследование власти происходит по-разному, не всегда по отцовской линии (как, например, в Марокко и Иордании). В КСА, например, в основу системы престолонаследия был положен родовой принцип наследования от брата к брату. Власть переходила к старшему рода, но наиболее соответствующему для выполнения функции правителя. Пункт 2 статьи 5 «Основного закона правления» гласит, что «власть принадлежит сыновьям короля-основателя Абдель Азиза бен Абдель Рахмана Аль-Фейсала Аль Сауда и сыновьям их сыновей», что открыло путь на вершину саудовского политического истеблишмента поколению внуков короля Ибн Сауда [13]. Таким образом, принцип наследования обеспечивает непрерывность господства семьи и в определенной степени гарантирует стабильность в передаче власти.

Второй основной принцип монархии заключается в ее сильной символической функции – она олицетворяет постоянство государства. Монархии отличает традиционное господство, основанное на привычке следовать традициям, порядку, правилам и нормам, которые складывались веками.

Именно источник власти так отличает монархию от республики и, несомненно, дает преимущество первой, так как признается особая легитимность короля. Даже если в конституциях некоторых монархий говорится, что суверенитет принадлежит народу (Конституция Марокко 2011 г.), абсолютная власть принадлежит королю как главе государства, его верховному представителю, символу единства нации, гаранту незыблемости и преемственности государства, верховному арбитру между институтами (статья 42 Конституции Марокко) [7].

Известный российский исследователь И.Д. Звягельская отмечает, что «отказ правителей [республик] от таких “правил игры”, как сменяемость власти, развитие институтов (прежде всего судебной и законодательной власти), лишил их легитимности в глазах не только немногочисленной оппозиции, но и довольно широких слоев населения. При этом вопрос о легитимности монархов, естественно, не стоял – они существовали во всеми признанной системе династической передачи власти, освященной традицией, в том числе и религиозной (в Марокко, Иордании, Саудовской Аравии)» [5, с. 21].

Р. Лукас в своей статье пишет, что в отличие от президентов монархи обладают властью, которая не может быть оспорена в ходе выборов [22, с. 103–119]. В некоторых государствах, например в Иордании, Марокко, Бахрейне, Кувейте, короли могли допустить политический плюрализм, что предполагает наличие легальной оппозиции и избираемого парламента. Однако в период кризиса им ничто не мешало обуздать несогласных, уволить непопулярных министров и распустить законодательные органы, обеспечив при этом себе поддержку народа.

Востоковед Майкл Херб в своей работе «Все в семье» утверждает, что факторы, способствующие сохранению стабильности монархий, могут быть лучше всего поняты, если принять во внимание особенности королевской семейной политики, то есть включения или невключения членов королевской семьи в процесс принятия политических решений [18, с. 21–30]. Он провел различия между династическими и нединастическими монархиями. Херб называет династическими такие монархии Персидского залива, как КСА, Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, где правящая семья контролирует многие министерства. В нединастических

монархиях, таких как Иордания и Марокко, родственники короля не имеют монополии на ключевые министерские посты.

Термины «династические» и «нединастические», по нашему мнению, не являются удачными, так как по определению монархия основана на династическом принципе. Можно сохранить это разделение, изменив термины на «семейная» и «личная». В первом случае правящая семья монополизировала высшие посты в государстве и контролирует основные властные институты. Во втором случае монарх как глава государства – ключевая фигура, но члены его семьи не занимают высшие государственные должности.

Таким образом, М. Херб отмечает, что семейные монархии более устойчивы. Там, где правящая семья контролирует государство и его ресурсы, основа режима прочная. Совершить переворот в таком государстве затруднительно, так как правопреемство определяется в ходе обсуждения членами семьи, что облегчает процесс передачи власти. В подобных семейных монархиях король является частью правящей структуры. Утверждение Херба, что ни один подобный режим не подвержен опасности [18], был подтвержден событиями «Арабской весны». В Катаре и ОАЭ не было серьезных волнений, а в КСА, Кувейте и Омане порядок был восстановлен довольно быстро.

Единственным исключением является Бахрейн, где растущие протесты были подавлены военными. В марте 2011 года силы «Щита полуострова», состоящие из военных КСА и ОАЭ, вошли в Бахрейн. Здесь, однако, стоит учесть, что в Бахрейне сложилась довольно специфическая ситуация, когда правящая семья принадлежит суннитскому меньшинству, составляющему приблизительно 30% от населения страны, и управляет шиитским большинством.

Безусловно, для большинства данных монархий имеет значение тот факт, что они обладают значительными запасами углеводородов. Доходы от их экспорта могут пополнить казну государства финансовыми средствами, которые, в свою очередь, могут быть распределены среди населения для обеспечения социального спокойствия. По мнению А. Дикхоффа, именно сочетание доходов от нефти и династического монархизма помогло сдержать «Арабскую весну» [16, с. 123]. С начала протестов «Араб-

ской весны» правители монархий, богатых углеводородами, существенно увеличили социальные выплаты в попытке пресечь массовые протесты [10].

Таким образом, значительные запасы углеводородов являются еще одним фактором устойчивости арабских монархий. Обнаружение нефти и последующие доходы от ее экспорта положили начало трансформации племенных обществ и способствовали их плавному преобразованию в современные.

Однако природные богатства сами по себе не могут гарантировать стабильности режима. Нефть и газ не могут считаться единственным объяснением стабильности. Например, ни Иордания, ни Марокко не являются нефтяными монархиями, но тем не менее их режимам удалось избрать удачные политические стратегии выживания, которые позволили им устоять в период трудностей. Несмотря на то что ни Иордания, ни Марокко не стали полноценными конституционными монархиями и их короли сохранили свое центральное положение в системе власти, под влиянием событий «Арабской весны» и Абдалла II, и Мухаммед VI смогли предпринять шаги в сторону демократических реформ и большего усиления парламентской власти в ответ на давление снизу, что, безусловно, помогло им удержаться на троне.

Способность монархий к сохранению стабильности некоторые исследователи объясняют наличием коалиций, как внутри стран, так и на региональном и международном уровнях.

В период «Арабского пробуждения» шесть монархий Персидского залива показали свою сплоченность. Еще в 1981 году был создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) как региональная организация, объединившая Бахрейн, Катар, КСА, Кувейт, ОАЭ и Оман. Созданию союза шести монархий послужила необходимость противостояния внешним вызовам, а также сходство государственного устройства. Монархии Залива объединились в начале 1980-х годов для противостояния внешним вызовам. 30 лет спустя этот механизм сотрудничества определяется не только внешними угрозами, но и политическими волнениями внутри самого региона.

В свете «Арабской весны» данное сотрудничество приобрело еще большую актуальность. Когда в Бахрейне протестующие стали требовать свержения королевской власти и превращения

Бахрейна в республику, КСА призвало ССАГПЗ к совместным действиям [11, с. 246]. В марте 2011 года главы государств, входящих в Совет, отправили войска в Бахрейн [1]. В мае того же года Марокко и Иордании было предложено подать заявки на полноправное членство в этой организации.

Монархическая солидарность, основанная на общей истории и схожем политическом и общественном порядке, усиленная общим желанием укрепить власть правящих семей, а также являющаяся результатом общих стратегических интересов, сыграла немаловажную роль в период «Арабского пробуждения». Для аравийских правителей важно было не допустить дестабилизации монархического режима, чтобы не создавать опасный прецедент [4, с. 336].

Кроме того, арабские монархии создают внутренние коалиции. Еще до обнаружения нефти каждая из них имела собственную базу поддержки. Династия Аль Сауд заключала соглашения с ведущими семьями завоеванных территорий. Аль Халифа в Бахрейне, как показали события «Арабской весны», опирается на суннитское меньшинство. Аль Сабах в Кувейте поддерживают баланс среди важных социальных групп в стране – суннитов, шиитского меньшинства и различных племенных групп. Правящие семьи ОАЭ заручились поддержкой важных племен и семей своих эмиратов. Султан Омана Кабус с момента прихода к власти в 1970 году построил патронажные сети, объединяющие племенные и религиозные элиты, в том числе за пределами крупных городов, во внутренних районах страны.

Нефть позволила государствам Персидского залива расширить свои коалиции поддержки, но все они строили социальные альянсы еще в донефтяную эпоху.

Важным фактором является внешняя поддержка. В период подавления восстания в Бахрейне США закрыли глаза на нарушения там прав человека, так как для них смена режима в этом государстве, имеющем важное стратегическое значение в качестве штаб-квартиры Пятого военно-морского флота США, была крайне нежелательной.

Вполне возможно, что при отсутствии вмешательства военных сил ССАГПЗ и поддержки Запада массовые протесты в Бахрейне могли привести к свержению династии Аль Халифа и

аннексии Ираном. В данном случае устойчивость монархии объясняется не формой правления, а во многом ее стратегическим положением.

Устойчивость арабских монархий противоречит прогнозам ученых, сделанным еще много десятилетий назад. Вскоре после окончания Второй мировой войны социологи заявляли, что монархии устарели и не являются жизнеспособными. Здесь можно привести и «дилемму короля» С. Хантингтона [20, с. 177–190], и прогнозы антикоролевских революций М. Халперна [17, с. 42], а также замечание М. Хадсона о том, что арабские королевства – «анахронизм в современном мире наций» [19, с. 167].

Несмотря на прогнозы, монархии устояли, и эта их устойчивость объясняется совокупностью факторов, прежде всего традиционной легитимностью, которая позволяет арабским монархам заслужить уважение своего народа и таким образом обрести авторитет. Монархическое правление представляет собой форму преемственности между прошлым и настоящим и предполагает стабильность и порядок во времена нестабильности и перемен.

Несмотря на то что арабские монархии испытали на себе воздействие протестных движений периода «Арабского пробуждения», которые дали их правителям понять, что реформы неизбежны, опросы общественного мнения показывают, что монархи пользуются безоговорочной поддержкой большей части населения. Представляется целесообразным привести результаты опроса, который был проведен в 2011 году на фоне событий «Арабской весны» Арабским центром политических исследований (Доха, Катар). В Саудовской Аравии, например, 75% респондентов выразили безоговорочное доверие своему правительству (44% «полностью доверяющих», 31% «доверяющих»). Согласно опросу, доверием пользуется и Консультативный совет, члены которого назначаются королем. Большинство респондентов высказали мнение, что не только внутренняя политика, но и проводимый руководством Королевства внешнеполитический курс отвечают интересам подданных [14].

Таким образом, способность арабских монархов выстоять в период трудностей можно объяснить и формой правления, что предполагает неразрывную связь арабских монархов с арабскими историческими и культурными нормами, и наличием ресурсов,

которые позволяют поддерживать довольно высокий уровень жизни подданных, и удачно избранными стратегиями, и коалициями на внутреннем, региональном и международном уровнях.

Возникает вопрос: сохранится ли устойчивость арабских монархических режимов? Некоторые западные аналитики предрекают монархиям скорый крах, хотя на самом деле эти режимы обладают значительными ресурсами – идеологическими и материальными – для поддержания стабильности даже перед лицом серьезных проблем. На первый взгляд может показаться, что они сталкиваются со многими проблемами, которые могут угрожать их устойчивости: рост населения, внутрдинастийные конфликты, в том числе связанные с вопросами наследования власти, высокий показатель безработицы среди молодежи, миллионы мигрантов, приезжающих на работу, последствия интеграции в мировую экономику, социальное расслоение, суннитско-шиитское противостояние. Безусловно, все эти факторы подрывают притязания монархов на легитимное правление, требуют проведения социально-экономических реформ, единства политической элиты. Но всё же в настоящее время нет никаких предпосылок для свержения монархических режимов в ближайшем будущем.

Литература

1. Бахрейн обращается за помощью к войскам «Щита полуострова», чтобы сохранить режим // Asharq al-Awsat. – URL: <http://archive.aawsat.com/details.asp?section=1&article=612637&issueno=11795#.W3qxwegzayl> (дата обращения: 05.08.2019).
2. Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Вып. 1 (40) / Ин-т философии Рос. акад. наук. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/reznik/soviet/bibl/1/Weber7.pdf> (дата обращения: 26.08.2019).
3. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Вознесенского. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 624 с.
4. Демченко А.В. Арабская весна в Иордании: за реформы и против революции // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / отв. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. – М. – Т. 1. – 2012. – 595 с. – С. 321–337.
5. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.
6. Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2015. – № 1 (137). – С. 81–91.
7. Конституция Королевства Марокко (2011 г.) / Палата представителей Марокко. – URL: http://www.chambredesrepresentants.ma/sites/default/files/documents/constitution_marocaine_2011-ar.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
8. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/saudovskaya-araviya-natsionalnoe-edinstvo-bez-plyuralizatsii/viewer> (дата обращения: 02.08.2020).

9. *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: государство и конструирование «национальной» идентичности // Культурная сложность современных наций / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 359–375. – URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kult_slzhnost.pdf (дата обращения: 29.07.2020).
10. *Мальшева Д.Б.* Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. – 2012. – № 8. – С. 41–53.
11. *Мелкумян Е.С.* Малые государства Персидского залива // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. – М., 2012. – 595 с. – С. 240–258.
12. *Мохова И.М.* Марокко // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. – М., 2012. – 595 с. – С. 376–400.
13. Основной низам (положение) Королевства Саудовская Аравия (1992 г.) // Бюро экспертов при Совете министров Саудовской Аравии. – URL: <https://www.boe.gov.sa/ViewStaticPage.aspx?lang=2&PageID=25> (дата обращения: 20.08.2019).
14. Arab Opinion Index: Results Beginning to be Released // Arab Center for Research & Policy Studies. – URL: https://www.dohainstitute.org/en/News/Pages/Arab_Opinion_Index_Results_Beginning_to_be_Released.aspx (accessed: 31.08.2019).
15. *Demmelhuber Th.* The Gulf Monarchies: State-Building, Legitimacy and Social Order // The Arab Uprisings. Transforming and Challenging State Power. I.B. Tauris. – L.-N.Y., 2015. – P. 103–104.
16. *Dieckhoff A.* The Resilience of Arab Monarchies and the 'Arab Spring': A Comparative Approach // The Arab Uprisings. Transforming and Challenging State Power / Edited by E. Kienle, N. Sika. I.B. Tauris. – L.-N.Y., 2015. – 200 p.
17. *Halpern M.* The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 460 p.
18. *Herb M.* All in the Family. Absolutism, Revolution, and Democracy in the Middle Eastern Monarchies. – State University of New York Press, Albany, 1999. – P. 21–30.
19. *Hudson M.* Arab Politics: The Search for Legitimacy. – New Haven: Yale University Press, 1977. – 448 p.
20. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 512 p.
21. *Menaldo V.* Why an Arab Spring May Never Arrive: Political Culture and Stability in the Middle East and North Africa's Monarchies // Research Gate. – University of Washington, 2011. – P. 14–15. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228298976_Why_an_Arab_Spring_May_Never_Arrive_Political_Culture_and_Stability_in_the_Middle_East_and_North_Africa's_Monarchies (accessed: 20.08.2019).
22. *Russet E. Lucas.* Monarchical Authoritarianism. Survival and Political Liberalization in a Middle Eastern Regime Type // International Journal of Middle East Studies. – Vol. 36. – Feb., 2004. – No. 1. – P. 103–119.
23. *Sean L. Yom, Gregory Gause III.* Resilient Royals: How Arab Monarchies Hang On // Journal of Democracy. – Oct. 2012. – P. 74–88. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/article/resilient-royals-how-arab-monarchies-hang> (accessed: 10.08.2019).